

Живу в Нью-Йорке, мечтаю о Питере,

Культура. — 1999. — 11-17 февр. — с. 11

делится своими планами знаменитый певец Владимир Чернов

В Парижской Опере с триумфом прошла премьера "Дон Карлоса".

Под музыкальным руководством Дж. Конлона постановку новой версии оперы Верди осуществил Г. Вик. Главное достоинство спектакля — превосходный состав исполнителей: С. Рамей (Филипп), Н. Шиков (Дон Карлос), В. Чернов (Родриго), К. Зигмундсон (Великий инквизитор), К. Вангесс (Елизавета), Д. Заджик (Эболи). Об этой опере и своем участии в ней рассказывает Владимир ЧЕРНОВ, в прошлом — солист Мариинского театра, ныне — прославленный баритон, который поет на самых престижных сценах мира.

— Существуют две версии оперы "Дон Карлос" Верди — французская 1867 года и итальянская 1884 года. Чем они отличаются?

— Специалисты считают, что с точки зрения выразительности окраски и динамики, французский вариант звучит более тонко. К сожалению, мне не довелось полностью слышать оперу по-французски, поэтому я не берусь окончательно судить. Но все театры мира дают "Дон Карлоса" в итальянской версии. Я думаю, что это связано с традицией или, скорее, с пожеланиями самого Верди.

— Десять лет назад вы покинули Мариинский театр, впервые получив партию Родриго в оперном театре Лос-Анджелеса. Потом вы исполняли эту роль на

В. Чернов в спектакле "Дон Карлос"

сценах Нью-Йорка. Как это было?

— В Америке тогда был какой-то "водоворот" этого спектакля: "Дон Карлос" переходил из одного театра в другой. Первую постановку осуществила Соня Фризел, которая

обладает ярким режиссерским даром. Мне было не только приятно, а, скорее, лестно работать под ее руководством, тем более что рядом пел Пласидо Доминго, а дирижировал Юрий Симонов. В Лос-Анджелесе я оказался благодаря забав-

ной ситуации: там сначала планировали постановку "Пиковой дамы", куда я не попадал в любом случае. Но вдруг ее заменили на "Дон Карлоса", и тогда пригласили меня. Скажу, что это был шоковый ангажемент.

Спектакли шли с огромным успехом. Когда мы с Пласидо закончили наш первый дуэт, зал буквально заревел от восторга. Пласидо, еще стоя на коленях и держа свою руку на моей, шепнул: "Эти овации потому, что здесь поешь ты. Меня с другим партнером так не встречали". Восприняв это как иронию, я ответил: "Прости, пожалуйста, я не претендую на твои лавры. Ты здесь Бог, а я — дебютант".

Мои впечатления тогда еще начинающего молодого певца за истекшее время несколько изменились, но я прекрасно помню мизансцены, великолепные декорации, совершенно феноменальные костюмы, в которых потом я пел в Чикаго и Нью-Йорке. Это были превосходные спектакли. Их уровень был настолько высок, что если я и был чем-то недоволен, то чаще всего самим собой.

— В 1993 году вы пели Родриго в Италии. Какой след оставила эта работа?

— Несколько раз я выступал с Нилом Шиковым. Постановка была традиционно итальянская с великолепным составом исполнителей. Именно в ней я приобрел очень полезный опыт: работа с итальянцами — это нечто особенное и чрезвычайно важное. Итальянцы были и остаются хозяевами оперы: я старался следить за каждым их словом, каждой интонацией. Некоторые из них мне помогали — давали прекрасные советы относительно динамики и акцентов в произношении. Работа в Италии для меня была более чем важна, потому что девяносто девять процентов моего репертуара

составляют оперы Верди. Ведь и сегодня это композитор номер один. Его сочинения не сходят с оперных сцен мира.

— Как вы оцениваете нынешний спектакль "Дон Карлос" в Париже?

— За истекшие годы мое отношение к этой опере Верди изменилось — не только потому, что я участвовал в разных ее постановках и теперь имею богатый опыт, но я еще сам творчески вырос. Сейчас испытываю огромное удовольствие от спектакля Грэма Вика. Это режиссер утонченного таланта.

Важное достоинство постановки — совершенно потрясающий состав исполнителей. Со всеми солистами я уже работал не один раз. То, что сейчас они собрались все вместе в одном спектакле, — это великая радость, но и огромная ответственность. Нужно держать себя на высочайшем уровне, а это так подхлестывает. Для меня каждая новая постановка — это шанс для самосовершенствования, шанс расширить и углубить трактовку персонажа, сделать ее более яркой, многогранной и значимой.

— Случалось ли, что в работе с режиссером вы были не согласны с ним?

— Естественно. Но Г. Вик был настолько умен и деликатен, что всегда убеждал меня в правомерности своих замыслов. Ведь у нас, оперных певцов, увы, есть сложившиеся стереотипы и штампы. Выходишь на сцену, а у тебя уже привычные походка и поза, заученные жесты... Если режиссеру что-то не нравилось в моей трактовке, он находил необходимые аргументы в пользу своей концепции. Однако режиссер не только переубеждал артистов, но и сам был всегда открыт для наших идей. По сути, этот спектакль мы сотворили все вместе.

— Какое у вас сложилось впе-

чатление об оркестре Парижской Оперы и его главном дирижере?

— Оркестр — одна из самых важных составных частей музыкального спектакля. Маэстро Джеймс Конлон, с которым я работал впервые, меня поразил своим фанатичным рвением в достижении цели. Он не пропустил ни одной минуты репетиций и даже позволял себе выпрыгивать из оркестровой ямы на авансцену, чтобы дирижировать певцами, помогая им в отработке нюансов. Дж. Конлон никогда не вмешивался в работу режиссера, но иногда просил слова и деликатно излагал свои замечания.

— С какими дирижерами вы сотрудничаете? Кто из них — ваш кумир?

— Я очень много работаю с Джеймсом Левайном в Метрополитен-опера. Я ценю его как одного из самых выдающихся музыкантов нашего времени. Мне довелось сотрудничать с великими Сейджи Озавой и Зубином Метой. Но моим кумиром был и остается чрезвычайно глубокий и тонкий музыкант Юрий Темирканов. С тех пор как я познакомился с его фантастическим талантом, мне было трудно работать с другими дирижерами. У него — Божий дар дирижера и потрясающая интуиция. Это мой отец и учитель. Я бесконечно ему благодарен и безумно счастлив, что он работал со мной. Сейчас мне его очень не хватает.

— Какие у вас ближайшие планы?

— Начинаю репетиции "Травиаты" в Метрополитен-опера. Эту новую постановку осуществит Ф. Дзеффирелли, оркестр возглавит Дж. Левайн, в главных партиях — Рене Флеминг и Альварес Кенел. Я с нетерпением жду эту работу, потому что еще живы воспоминания о "Травиате", в которой я пел с Альфредо Краусом в 1991 году.

Потом еду в Болонью, где маэстро Даниэл Гатти — руководитель Королевского филармонического оркестра — дирижирует сочинениями Малера и я пою несколько его песен. Этот концерт мы повторим в Лондоне. Мне очень дороги эти маленькие шаги в сольной концертной деятельности, которую я начинал с Вагнера Чачава — человеком высочайшей культуры, в чей помощи сейчас так нуждаюсь. Позже в Болонье мне предстоит петь Марселя в "Богеме". Далее — в Марселе предстоит работа в практической новой для меня опере "Эрнани". Да, новой, несмотря на то, что в 1985 году я первый раз пел в ней в Болгарии. Эта опера Верди исполняется редко, поэтому многие меломаны уже купили билеты на спектакли в Марселе. Премьера состоится 23 марта. Затем в Ницце пою Онегина. На эту же партию приглашен в Майями, но это будет уже в 2000 году. А ныне у меня в Метрополитен, кроме "Травиаты", новая постановка "Эрнани" и возобновление "Луизы Миллер", в Лос-Анджелесе — "Свадьба Фигаро", в Сан-Франциско — "Травиата". В Венской опере будут спектакли "Травиаты" и "Севильского цирюльника". Потом тот же репертуар пою в Гамбурге и Берлине, может быть, в Мюнхене.

Предстоит сделать запись сольного концерта с "Терем-квartetом", в котором есть баян, две домры и бас-балалайка. Это совершенно новая стезя в моей карьере. Планирую с музыкантами "Терема" сделать большое турне по Америке. В программу войдут произведения разного жанра. Они прозвучат на русском, итальянском, французском и английском языках.